

А.А. Волков

Около царской семьи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.А. Волков**
Около царской семьи / А.А. Волков – М.: Книга по Требованию, 2014. – 95 с.

ISBN 978-5-458-67720-2

ISBN 978-5-458-67720-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ

Лучшаго заглавія, чѣмъ «Около Царской Семьи» Алексѣй Андреевичъ Волковъ для печатаемыхъ имъ «Воспоминаній» и придумать не могъ. Оно соотвѣтствуетъ вполне содержанію предлагаемой нами книги и такъ же, какъ послѣдняя, просто, правдиво и незатѣйливо.

Авторъ не ищетъ эффе́ктовъ ни въ стилѣ своего разсказа, ни въ подборѣ фактовъ, сценъ и явленій, сохранившихся «на экранѣ его памяти».

Не «мудрствуя лукаво», глубоко и искренно чувствуя важность того, чему свидѣтелемъ ему довелось быть, съ кѣмъ судьба сулила ему жить, кому служить, онъ разсказываетъ только факты, не пытаясь ихъ ни комментировать, ни раскрашивать. Многіе изъ его читателей поставятъ, пожалуй, автору въ упрекъ такой, — выражаясь по модному, — кинематографическій характеръ его разсказа. Между тѣмъ, именно эта *незамысловатость и простота* излагаемыхъ, а иногда лишь упоминаемыхъ фактовъ представляютъ самое цѣнное въ *Воспоминаніяхъ* А. А. Волкова и превращаютъ ихъ въ цѣнный историческій документъ и для современниковъ, которые воображаютъ, что они все знаютъ по досужимъ толкамъ и городскимъ сплетнямъ, и для будущаго историка нашего сложнаго и страшнаго времени.

Стоитъ обратить вниманіе на нѣсколько чисто-эпизодическихъ указаній авторомъ: сцены ночной рыбной ловли Александра III, посѣщеніе Вильгельма II, первое посѣщеніе Столыпинымъ Императорской Яхты и его появленіе среди «чужихъ» придворныхъ), телефонные разговоры Протопопова съ дворцомъ въ *февральскіе дни*; послѣднее посѣщеніе (докладъ царю) М.В. Родзянки и т. д., и т. д., чтобы понять правильность сказаннаго.

Авторъ — внѣ своей службы и внѣ круга тѣхъ, кому онъ служилъ вѣрой и правдой, — лицо неизвѣстное. Но событія, которыя

произошли въ Россіи съ 1917 года, выдвинули его на страшное мѣсто и поставили рядомъ съ царемъ и царицею. Простой русскій человѣкъ, глубоко вѣрующій, преисполненный чувствомъ долга и любви къ родной землѣ, всосавшій съ молокомъ матери вѣрность своему царю, ни на минуту не задумался пойти на смерть за свои убѣжденія. И, чудомъ избѣгнувшій разстрѣла, какъ просто, безъ всякой позы, онъ въ своемъ лаконическомъ «вмѣсто предисловія» говорить: «Теперь, оглядываясь назадъ, я не могу упрекнуть себя въ томъ, что служба царской семьѣ въ ея счастливые дни, я отвернулся отъ нея въ дни ея бѣдствій. Сознаніе этого даетъ мнѣ душевный покой»...

Это «сознаніе» даетъ и намъ полное представленіе о нравственномъ обликѣ А. А. Волкова, о которомъ сходятся, впрочемъ, отзывы всѣхъ знавшихъ его.

Здѣсь мы приведемъ одно лишь свидѣтельство о немъ Сергѣя Николаевича Смирнова, извѣстнаго общественнаго дѣятеля и администратора (гл. С.-Петербургской Думы, археолога и строителя, быв. губернатора гор. Павловска), отправившагося въ 1918 г. вмѣстѣ съ сербской миссіей на розыски и спасеніе княгини Елены Петровны (дочери Сербскаго Короля и жены убитаго въ Алапаевскѣ Іоанна Константиновича).

С. Н. Смирновъ сидѣлъ съ А. А. Волковымъ въ одной камерѣ, въ Пермской тюрьмѣ. Вотъ, что онъ пишетъ объ авторѣ предлагаемыхъ *«Воспоминаній»*.

«Волковъ былъ уже пожилой человѣкъ, почти 59 лѣтъ, 17 лѣтъ служилъ въ Царскомъ при Большомъ Дворѣ, а послѣдніе полтора года передъ революціей онъ служилъ личнымъ камердинеромъ Императрицы Александры Θεодоровны. Ни одинъ человѣкъ не могъ пройти къ Ней или выйти отъ Нея помимо его. Никто не могъ позвонить иначе, какъ черезъ него. Онъ утверждалъ, что за всѣ полтора года его службы лично у Императрицы у нея лишь 4 раза былъ Распутинъ, при чемъ каждый разъ при Государѣ или Дѣтяхъ. «Я не знаю, останусь ли я живъ», говорилъ Волковъ, «но я твердо знаю, что сплетни, грязныя сплетни, про Нее и Гришку — ложь, гнусная ложь».

Волковъ былъ изъ крестьянъ Тамбовской губерніи, попалъ благодаря высокому росту въ гвардію, въ л. гв. Павловскій полкъ, а потомъ въ сводный батальонъ, откуда взялъ его къ себѣ (при

уходѣ его съ военной службы) на службу Великій Князь Павелъ Александровичъ. Былъ онъ и въ Афинахъ, хорошо помнилъ Великую Княгиню Александру Георгиевну, дочь Королевы, ѣздилъ съ Павломъ Александровичемъ по Европѣ, послѣ смерти Его первой жены. Онъ, Волковъ, произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Живя при дворѣ, онъ не скопилъ себѣ ничего, но поставилъ семью на ноги. Незадолго передъ революціей онъ получилъ отъ кабинета Его Величества ссуду въ 8000 р. и выстроилъ себѣ домъ въ Царскомъ Селѣ, собственно, между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, на лѣвой сторонѣ отъ желѣзной дороги. Постепенно онъ началъ выплачивать долгъ, но грянула революція, скоро его увезли и подкосили старанія попрочнѣе стать на ноги и этого хорошаго чловека.

31-го іюля (1918 г.) Волковъ рѣшилъ подать заявленіе о томъ, что онъ крестьянинъ, чловекъ трудящійся и т. д. Я ему составилъ краткое такое заявленіе въ чека. Прошла недѣля и его вызвали въ чека на допросъ. Это было уже послѣ того, какъ въ «Извѣстіяхъ» Уральскій Областной Совѣтъ оповѣстилъ о разстрѣлѣ Государя въ ночь съ 16 на 17 іюля, добавляя, что Всероссійскій Центральный Комитетъ, «ВЦИК», утвердилъ этотъ разстрѣлъ, а что Семья Николая Романова отвезена въ болѣе безопасное мѣсто (въ виду наступленія чеховъ и взятія ими Екатеринбургa). Лишь въ февралѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года въ газетѣ лѣвыхъ эсеровъ «Всегда впередъ» прочитали въ Бутыркѣ статью «Стыдно», гдѣ описывали разстрѣлъ четырехъ Великихъ Князей въ Петроградѣ мѣстною чека, во главѣ съ женщиной Яковлевой, замѣнившей Урицкаго, убитаго Каннегиссеромъ. Эта компанія только «увѣдомила» Совѣтъ народныхъ комиссаровъ о совершенномъ разстрѣлѣ. Вообще, Петроградская Коммуна и ея шефъ Зиновьевъ, всегда дѣйствовали самостоятельно. Такъ вотъ въ этой статьѣ, послѣ нѣсколькихъ теплыхъ словъ о нѣкоторыхъ Великихъ Князяхъ изъ убитыхъ, а особенно объ ученомъ Николаѣ Михайловичѣ, говорилось: «Неужели недостаточно было убійствъ членовъ Семьи на Уралѣ».

Это было первое косвенное признаніе, что на Уралѣ убили не одного Государя, да и то осмѣлилась сказать это с.-р.-овская газета, вскорѣ же закрытая.

Ну такъ вотъ, зная изъ газетъ объ убійствѣ Государя, а также о томъ, что при этомъ будто бы пощадили всю Семью и служащихъ, Волковъ, подавая свое заявленіе и заканчивая его прось-

бою объ освобожденіи, былъ убѣжденъ, что просьбу его исполнять. Черезъ недѣлю, числа 7-го августа его увели на допросъ въ чека; это было около 11-ти часовъ утра, а вернули лишь въ 5 часовъ, когда подсобралась партія арестованныхъ, подлежащихъ къ отправкѣ въ тюрьму. Допросъ оказался формальнымъ, но скорѣе доброжелательнымъ, и у нашего милаго Алексѣя Андреевича возросли надежды на освобожденіе. Какъ я уже писалъ, мы съ нимъ сдружились и гуляли вмѣстѣ, вмѣстѣ ходили въ церковь, вмѣстѣ любовались тюремными нравами, при чемъ онъ, какъ болѣе опытный тюремный житель, помогалъ мнѣ въ распознаваніи людей. Живя въ одной комнатѣ, переживая вмѣстѣ много горя, и несчастія, мы, конечно, иногда выбалтывали свои задушевные мысли. Я часто говорилъ о женѣ, дѣтяхъ. Солдаты (сербы) рассказывали о себѣ, Волковъ о своей семьѣ...»

Дальнѣйшій ходъ событій, послѣ этого страшнаго дня и трагической ночи съ 21 на 22 августа, мы узнаемъ изъ разсказа самого А. А. Волкова. С. Н. Смирновъ, самъ спасшійся чудомъ отъ разстрѣла (см. его книгу), только на свободѣ, заграничѣй, узналъ о чудесномъ спасеніи А. А. Волкова, который въ двухъ письмахъ разсказалъ своему бывшему соузнику, какъ онъ спасся и что съ нимъ было послѣ избавленія отъ смерти. Я привожу изъ этихъ писемъ два мѣста, добавляющія нѣсколько разсказъ автора объ уводѣ на разстрѣлъ (см. ниже въ текстѣ взятое изъ этихъ писемъ описаніе ночи съ 21 на 22-ое августа и въ концѣ *Воспоминаній* обстоятельства отъѣзда автора изъ Манджуріи въ Эстонію).

**

Читателей — вполне естественно, — будетъ очень интересоваться все, что А. А. пишетъ о Царской Семьѣ, о государѣ и, особенно, о государынѣ и о *Распутинѣ*. Авторъ, однако, не удовлетворитъ ни любителей сенсаций и сомнительныхъ разоблаченій, ни партійныхъ людей, ищущихъ всюду подтвержденія своимъ предвзятымъ утвержденіямъ. Онъ говоритъ только о томъ, во что искренно вѣритъ, что знаетъ, что лично видѣлъ и слышалъ. Какъ разсказываетъ выше С. Н. Смирновъ, А. А. Волковъ послѣдніе полтора года передъ революціей «служилъ личнымъ камердинеромъ Императрицы Александры Θεодоровны»: ни одинъ человекъ не могъ пройти къ ней, или выйти отъ нея, помимо него. Никто не могъ позвонить иначе, какъ черезъ него. Онъ (Волковъ) утверждалъ, что за всѣ полтора года его службы, лично у Императрицы, у нея, лишь 4 ра-

за былъ Распутинъ, при чемъ каждый разъ, при Государѣ или дѣтяхъ». — Я не знаю, останусь ли я живъ, — говорилъ Волковъ, «но я твердо знаю, что сплетни, грязныя сплетни про Нее и Гришку — ложь, гнусная ложь».

«Гнусныя сплетни», «гнусная ложь» исходятъ отчасти отъ самого Распутина, который во время оргій въ разныхъ притонахъ, подъ пьяную руку, не только «рекламировалъ свою близость къ Царской Семьѣ» (см. *Царь и Царица*, В. Г. Гурко, стр. 100), но «дошелъ до того, что во время одного изъ своихъ пиршествъ, а именно въ загородномъ московскомъ ресторанѣ «Яръ», въ пьяномъ видѣ, указывая на надѣтую на немъ расшитую рубашку русскаго покроя, кричалъ: «Сашка сама шила!»

Когда, по иниціативѣ нѣкоторыхъ друзей, я, въ 1915 г., допрашивалъ Распутина въ мастерской извѣстнаго скульптора Н. Л. Аронсона (лѣвившаго его бюстъ), въ присутствіи Сологуба, его жены — А. Чеботаревской, самого Аронсона; редактора «Солнца Россіи», А. Э. Когана и др., я лично убѣдился въ томъ, что Распутинъ сознавалъ, что онъ зря компрометируетъ имя Царицы (см. мои Воспоминанія въ *Словѣ*). Такимъ образомъ, послѣ всѣхъ официальныхъ разслѣдованій, послѣ опубликованныхъ мемуаровъ, воспоминаній, этюдовъ (В. Пуришкевича, кн. Ф. Юсупова, особенно книги В. Гурко), подтверждающихъ показаніе нашего автора, послѣднее несомнѣнно является рѣшающимъ для историка.

Разумѣется, вся политическая сторона этого страшнаго вопроса о трагической роли, сыгранной Распутинымъ въ исторіи страны и династіи — внѣ компетенціи автора, и онъ правильно и добросовѣстно поступилъ, не коснувшись ея. До сихъ поръ еще этотъ вопросъ трактуется разнo. Историкъ П. Н. Милуковъ, общественный дѣятель Пуришкевичъ, В. А. Маклаковъ и др., кн. Ф. Юсуповъ, слѣдственная комиссія, Н. Соколовъ и др. внесли много свѣта, каждый по своему — въ литературу по вопросу. Но, какъ мнѣ кажется, наиболѣе полное резюме этой литературѣ далъ В. І. Гурко въ своей книжкѣ *Царь и Царица*. И я думаю, что нѣсколько бѣглыхъ ссылокъ на книжку Гурко объяснить и дополнять прямое и категорическое утвержденіе А. А. Волкова. Прежде всего, упомяну о томъ заключеніи В. І. Гурко (стр. 123), «что въ особенности вреденъ и въ особенности преступенъ былъ не Распутинъ, а та среда, которая его воспріяла, изъ неудержимаго желанія *per fas et nefas*, либо разыгрывать политическую роль, либо проникнуть къ власти, либо достигнуть почестей и матеріальныхъ благъ».

Какая же это среда? В. Гурко дает достаточно указаний и именъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ. Первоначальный составъ пестраго и разнообразнаго «окруженія Распутина» былъ почти исключительно женскій: А. А. Вырубова-Танѣева, дѣвица Головина, его прежнія «почитательницы» — Лахтина и Гущина, фрейлина Никитина (служившая связью между Распутинымъ и Штюрмеромъ) и др. «опредѣленные психопатки, едва ли не страдавшія половой психопатіей» (В. Гурко, *ib.* стр. 114). Затѣмъ стали появляться «различные честолюбцы, сулившіе ему великія блага за проведеніе ихъ къ верхамъ власти» (*ibid.*): кн. Шаховской, добивавшійся черезъ Распутина и Вырубову назначенія мин. торговли и промышленности, А. Н. Хвостовъ (мин. вн. дѣлъ), С. П. Бѣлецкій (тов. мин. вн. д.); затѣмъ, послѣ паденія этихъ двухъ — Бадмаевъ, А. Д. Протопоповъ, П. Г. Курловъ, дѣвицы, промышленники и «наконецъ, такія, сравнительно мелкія, но пронырливыя и ловкія сошки, какъ Андронниковъ и полу-журналистъ, полу-агентъ департамента полиціи Манасевичъ-Мануйловъ, которые, впрочемъ, уже давно сошлись съ Распутинымъ» (*ibid.* стр. 118).

Ни скромный, честный и наблюдательный авторъ предлагаемыхъ *Воспоминаній*, далекій, впрочемъ, по своему положенію отъ всякихъ интригъ и «гнусностей», никто другой изъ придворныхъ, въ интригахъ не замѣшанныхъ и къ нимъ не причастныхъ, какъ благородные кн. Волконскій, ген. Татищевъ, Боткинъ, баронесса Буксгевденъ, Гендрикова и чтица Е. А. Шнейдеръ и мн. др., и представить себѣ не могли, что вокругъ и около трона идетъ такая вакханалія, которая, какъ справедливо замѣчаетъ В. Гурко, должна была привести къ «крушенію русской государственности при томъ нравственномъ разложеніи правящаго слоя, которое столь ярко выявила распутинская эпопея» (стр. 123).

Но эта сторона естественно находится внѣ поля зрѣнія А. А. Волкова, записки котораго тѣмъ и цѣнны, что не судятъ, не мудрствуютъ лукаво, не «обвиняютъ и не защищаютъ», не врываються въ историческій процессъ, а только передаютъ, что видѣлъ и слышалъ ихъ авторъ, оставшійся преданнымъ и привязаннымъ къ тѣмъ, которымъ служилъ вѣрой и правдой вплоть до самопожертвованія. Въ этомъ и заключается главное достоинство настоящей книги. Поэтому она и является вкладомъ въ исторію нашего времени, какъ цѣнный, правдивый, безхитростный документъ, относящійся къ эпохѣ двухъ послѣднихъ царствованій.

Его показаніе будетъ принято будущимъ историкомъ нашего времени въ числѣ другихъ авторитетныхъ свидѣтельствъ (незаконченное разслѣдованіе о Распутинѣ въ Государственной Думѣ по инициативѣ А. И. Гучкова; Слѣд. Ком. Врем. Правит., Воспоминанія М. В. Родзянко, В. Пуришкевича и др.).

Наиболѣе интересными въ этомъ отношеніи являются послѣднія, недавно выпедшія книжки В. І. Гурко (*Царь и Царица*) и кн. Ф. Юсупова (*Конецъ Распутина*). Можно соглашаться или не соглашаться съ характеристиками, оцѣнками и заключеніями этихъ авторовъ, ихъ отношеніемъ къ лицамъ и событіямъ. Но цѣненъ въ ихъ книжкахъ главнымъ образомъ фактической матеріалъ: 1) попытка В. Гурко привести въ систему свѣдѣнія, факты, имена всего ансамбля эпопей, вошедшей уже въ исторію подъ общимъ именемъ *распутинщины*; 2) *почти исповѣдь* Ф. Ф. Юсупова.

Гурко прямо ставитъ вопросъ: кто больше виноватъ въ распутиновщинѣ, — Царь и царица, или *среда*, въ которой распутиновщина могла родиться и вырости. И самъ же, какъ мы видѣли, рѣшаетъ вопросъ: виновата главнымъ образомъ среда... *«Въ особенности — поясняетъ онъ — вреденъ и въ особенности преступенъ былъ не Распутинъ, а та среда, которая его восприняла изъ неудержимаго желанія, per fas et nefas, либо раздиривать политическую роль, либо проникнуть къ власти, либо достигнуть почестей и матеріальныхъ благъ»*. (Читатель не постыгуется на насъ за повтореніе этой цитаты).

Мы выше видѣли, кто составлялъ первые ряды въ этой «средѣ». Но эта «среда» въ широкомъ смыслѣ, какъ *соціальная среда*, была гораздо обширнѣе и захватывала міръ придворныхъ, высшей и средней бюрократіи. Читайте Юсупова, который рассказываетъ о малодушии людей этого *міра*, выражавшихъ ему свое сочувствіе въ его обличеніяхъ, но умолявшихъ его *не называть ихъ!* В. І. Гурко смѣлѣе и прямѣе изобличаетъ *среду*, называетъ даже по именамъ наиболѣе преступныхъ изъ нихъ. Показанія министровъ и крупныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей въ Слѣдственной Комиссіи достаточно характеризуютъ этотъ міръ, эту среду, этихъ женъ министровъ (даже «либеральныхъ»), которыя обивали пороги и у Распутина, и у Вырубовой (какъ, напримѣръ,

Извольская, что не мѣшало дочери посла, Е. Извольской, для которой выхлопотали званіе фрейлины, облить грязью свою государыню). Дальнѣйшія *воспоминанія*, мемуары, дневники, появленіе которыхъ не прекратится, — а, наоборотъ, — намъ принесутъ имена и государственныхъ дѣятелей, и бюрократовъ, и вызовутъ изумленіе у непосвященныхъ въ закулисной работѣ близкихъ къ трону людей и круговъ, въ нечистыя руки которыхъ попали судьбы и страны, и власти, и самого трона. И тогда станетъ понятна та мысль, которая напрашивалась у многихъ государственно-настроенныхъ публицистовъ, не *оппозиционеровъ*, во что бы то ни стало — и которую В. І. Гурко — *человекъ праваго крыла русской общественности* — такъ рѣзко выразилъ въ своемъ заключеніи:

«Появленіе человѣка, сумѣвшаго внушить довѣрчивой, мистически настроенной Царской четѣ, что онъ обладаетъ даромъ прозорливости и исцѣленія, было лишь простой случайностью. Это обстоятельство только ускорило процессъ распаденія государственности, но само по себѣ породить его не могло.

«Можно даже съ увѣренностью сказать, что и безъ происшедшаго, благодаря Распутину, рѣзкаго измѣненія путей и способовъ достиженія власти, крушеніе русской государственности, при томъ нравственномъ разложеніи правящаго слоя, которое столь ярко выявила распутинская эпопея, было, во всякомъ случаѣ, не за горами» (стр. 123. *Царь и Царица*). И думается мнѣ, что это сужденіе В. І. Гурко предупреждаетъ и — если не предрѣшаетъ, то во всякомъ случаѣ — очень близко къ сужденію будущаго историка. Послѣдній внесетъ свои дополненія и поправки въ это сужденіе. Онъ будетъ свободнѣе и В. І. Гурко, и насъ въ своемъ сужденіи о Царской четѣ, жизнью своей заплатившей за свои царственные и человѣческіе грѣхи. Трагическая, варварская смерть Царя и Царицы, ихъ невинныхъ дѣтей и вѣрныхъ приближенныхъ, слишкомъ близка къ намъ и взываетъ къ нашимъ чувствамъ людей, современниковъ, *раздѣляющихъ со всемъ русскимъ обществомъ отвѣтственность и вину и передъ родиной, и передъ павшими жертвами за — хотя и временную — гибель Россіи*, а потому она намъ представляется достаточнымъ искупленіемъ за вольные и невольные грѣхи. Историкъ, повторяю, будетъ свободнѣе...

Но и историкъ, и мы — современники, тѣмъ строже должны относиться, какъ это сдѣлалъ и Гурко, и другіе, къ представите-

лямъ той среды, «нравственное разложѣніе которой» явилось благопріятной почвой для распутиновщины...

Вслѣдъ за другими государственно настроенными публицистами и писателями, мы, послѣ страницъ *правды и вѣрности* нашего автора считаемъ своимъ долгомъ отмѣтить настоящихъ живыхъ виновниковъ, о которыхъ говорить и монархистъ Гурко, и дочь погибшаго благороднаго Е. С. Боткина, Татьяна Евгенъевна Боткина-Мельникъ. Мы тѣмъ болѣе обязаны это сдѣлать, что многіе изъ этихъ виновныхъ благополучно очутились за границей и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаютъ то же дѣло «разложѣнія и отравленія общественности», какъ будто съ 1916-17 г. г. ничего не случилось!

Если мы всѣ, за исключеніемъ социалистовъ, осуждаемъ *Керенщину и ея дѣятелей*, то наша элементарная обязанность сдѣлать это и по отношенію къ болѣе или менѣе сознательнымъ представителямъ распутиады, среди которыхъ — увы! — мы найдемъ и нѣкоторыхъ членовъ кружка Распутина!..

Е. Семеновъ.

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ

Тридцать пять лѣтъ я провелъ въ великокняжескомъ и царскомъ домѣ. На моихъ глазахъ проходила жизнь сильныхъ міра, по преимуществу, та сторона ея, которая скрывается отъ постороннихъ глазъ этикетомъ.

Отъ меня же часто не бывали скрытыми проявленія обыкновенныхъ человѣческихъ переживаній: вѣдь при общеніи со мною не надо было надѣвать личину свѣтскости, отбрасывались условности и со мною бывали только л ю д и , съ ихъ радостями и горемъ, съ ихъ достоинствами и слабостями.

Жребій судилъ мнѣ видѣть царскій домъ во время мощи и славы Россіи, во время того величія, которое окружало русскаго царя и его семью. Довелось мнѣ раздѣлить съ царской семьей тяготу и горе ссылки и связанныя съ нею лишенія. Только случай избавилъ меня отъ такой же мученической смерти, которую приняла царская семья.

Теперь, оглядываясь назадъ, я не могу упрекнуть себя въ томъ, что служа царской семьѣ въ ея счастливые дни, я отвернулся отъ нея въ дни ея бѣдствій. Сознаніе этого — даетъ мнѣ душевный покой.

И я буду счастливъ, если мои воспоминанія помогутъ возстановить истинный кроткій обликъ императора Наполеона Второго и очистить отъ клеветы и злобы память его супруги и невинныхъ дѣтей.

А. Волковъ.